

Осип Мандельштам

Серебряный голос поэта.

Презентация к уроку (11 класс)
«Осип Мандельштам. Жизнь и творчество»
Учитель Жажело И.С.

В 9 лет Осип поступил в Тенишевское коммерческое училище (одно из лучших Петербургский учебных заведений), где учились дети интеллигенции. Здесь особенно хорошо было поставлено преподавание гуманитарных дисциплин. Учащихся знакомили с основами эстетики, с русской и мировой литературой.

*В столице северной томится пыльный тополь,
Запутался в листве прозрачный циферблат,
И в темной зелени фрегат или акрополь
Сияет издали - воде и небу брат.*

*Ладья воздушная и мачта-недодрога,
Служа линейкою приемникам Петра,
Он учит: красота - не прихоть полубога,
А хищный глазомер простого столяра.*

*Нам четырех стихий приязненно господство,
Но создал пятую свободный человек:
Не отрицает ли пространства превосходство
Сей целомудренно построенный ковчег?
Сердито лепятся капризные Медузы,
Как плуги брошены, ржавеют якоря -
И вот разорваны трех измерений узы
И открываются всемирные моря.*

Мандельштам учился в Петербургском университете, в Германии – в Гейдельбергском университете. Но диплома так и не получил, потому что уходил сам в поисках чего-то более нужного и важного для него.

О. Мандельштам. 1908-1909 гг.

*Вполоборота, о печаль,
На равнодушных поглядела.
Спадая с плеч, окаменела
Ложноклассическая шаль.
Зловещий голос - горький хмель -
Души расковыривает недра:
Так - негодующая Федра -
Стояла некогда Рашель.*

Воспоминания Ахматовой о Мандельштаме:

Набросок с натуры

Что же касается стихотворения "Вполоборота", история его такова. В январе 1914 г. Пронин устроил большой вечер "Бродячей собаки" не в подвале у себя, а в каком-то большом зале на Конюшенной. Обычные посетители терялись там среди множества "чужих" (т.е. чуждых всякому искусству) людей. Было жарко, людно, шумно и довольно бестолково. Нам это наконец надоело, и мы (человек 20-30) пошли в "Собаку" на Михайловской площади. Там было темно и прохладно. Я стояла на эстраде и с кем-то разговаривала. Несколько человек из залы стали просить меня почитать стихи. Не меняя позы, я что-то прочла. Подошел Осип: "Как вы стояли, как вы читали" и еще что-то про шаль (см. о Мандельштаме в воспоминаниях В.С.Срезневской³³). Таким же наброском с натуры было четверостишие "Черты лица искажены". Я была с Мандельштамом на Царскосельском вокзале (10-е годы). Он смотрел, как я говорю по телефону, через стекло кабины. Когда я вышла, он прочел мне эти

В Воронеже Осип написал знаменитое «Пусти меня, отдай меня, Воронеж» (апрель, 1935. Цикл «Воронежские стихи»).

*Пусти меня, отдай меня, Воронеж:
Уронишь ты меня иль проворонишь,
Ты выронишь меня или вернешь,—
Воронеж — блажь, Воронеж — ворон, нож.*

Апрель 1935

В марте 1938-го
Мандельштам в последний раз
был в Ленинграде. Ахматова
много позднее вспоминала, что
Осип Эмильевич и Надежда
Яковлевна приехали на два дня:
"Время было апокалиптическое...
Беда ходила по пятам за всеми
нами. У Мандельштамов не было
денег. Жить им было совершенно
негде. Осип плохо дышал, ловил
воздух губами. Я пришла, чтобы
повидаться с ними, не помню
куда. Все было как в страшном
сне".

ЛЕНИНГРАД

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез.

Ты вернулся сюда, так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей,

Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток.

Петербург! я еще не хочу умирать!
У тебя телефонов моих номера.

Петербург! У меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.

Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок,

И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

Под окнами Фонтанного дома, у дверей, в которые входил Осип Эмильевич, – как бы две ступеньки, а на них – силуэт, тень. Она будто исковеркана, будто изогнута острыми углами жизнелестницы, но фигура цельна и ясна в очертаниях. Но лицо запрокинуто к небу. «Это как бы разломанный, но не сломленный человек», – говорит Бухаев, а на черном граните высечены строки Ахматовой, посвященные Мандельштаму:

А в комнате опального поэта

Дежурят страх и Муза

в свой черед.

И ночь идет,

Которая не ведает рассвета.

Памятник О.Э.Мандельштаму в Петербурге, во дворе Фонтанного дома, 2007 год. Там жила Ахматова. Скульптор Вячеслав Бухаев.

В мае 1938 года Мандельштама
арестовывают вторично
«за контрреволюционную
деятельность».

**Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там помянут кремлёвского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири верны.
Тараканьи смеются усища
И сияют его голенища.
А вокруг его сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей,
Кто мяучит, кто плачет, кто хнычет,
Лишь один он бабачит и тычет.
Как подковы куёт за указом указ
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него, - то малина
И широкая грудь осетина.**

Осип Эмильевич был женат. Но детей не было.

silver-age.info

Благодаря Надежде Яковлевне стихи Мандельштама дошли до наших дней: она хранила в памяти и записывала их собственной рукой. Поэты рассеянны, им нужен ангел-хранитель.

"Памятник любви". Памятник Осипу и Надежде Мандельштам установлен во дворе здания Двенадцати коллегий (дворик филфака СПбГУ). Скульптор - голландка Ханнеке де Мюнк, идея памятника принадлежит ей и её супругу, графику Ситсе Х. Баккеру, который в своих произведениях, представляющих собой комбинации текста и изображения, в основном использует строки из произведений Мандельштама.

Поэт и его жена как будто парят в воздухе. На крыльях любви, очевидно. Надежда Яковлевна написала две книги воспоминаний, посвященных супругу и "смертоносной эпохе", в которой им выпало жить.

Нежнее нежного
Лицо твоё,
Белее белого
Твоя рука,
От мира целого
Ты далека,
И все твое -
От неизбежного.

От неизбежного
Твоя печаль,
И пальцы рук
Неостывающих,
И тихий звук
Неунывающих
Речей,
И даль
Твоих очей.

О, как же я хочу,
Нечуемый никем,
Лететь вослед лучу,
Где нет меня совсем!

А ты в кругу лучись,-
Другого счастья нет,
И у звезды учись
Тому, что значит свет.

Он только тем и луч,
Он только тем и свет,
Что шепотом могуч
И лепетом согрет.

И я тебе хочу
Сказать, что я шепчу,
Что шепотом лучу
Тебя, дитя, вручу.

Notre Dame

Где римский судия судил чужой народ,
Стоит базилика, - и, радостный и первый,
Как некогда Адам, распластывая нервы,
Играет мускулами крестовый легкий свод.

Но выдает себя снаружи тайный план:
Здесь позаботилась подпружных арок сила,
Чтоб масса грузная стены не сокрушила,
И свода дерзкого бездействует таран.

Стихийный лабиринт, непостижимый лес,
Души готической рассудочная пропасть,
Египетская мощь и христианства робость,
С тростинкой рядом - дуб, и всюду царь - отвес.

Но чем внимательней, твердыня Notre Dame,
Я изучал твои чудовищные ребра,
Тем чаще думал я: из тяжести недоброй
И я когда-нибудь прекрасное создам.

1912

*Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд
журавлиный,
Что над Элладю когда-то поднялся.*

*Как журавлиный клин в чужие рубежи,-
На головах царей божественная пена,-
Куда плывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?*

*И море, и Гомер - всё движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер
молчит,
И море черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к
изголовью.*

1915

